

Валерий Казаков

*СТРАНА
ЧУЖОЙ
ЖИЗНИ*

с юмором о грустном

Валерий Николаевич Казаков

Страна чужой жизни.

С юмором о грустном

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25200492

ISBN 9785448553318

Аннотация

В новой книге собраны ироничные рассказы о русской провинции, где обычные люди попадают в нелепые ситуации не по глупости своей, а в силу особых условий жизни, так характерных для малых городов нашей необъятной страны.

Содержание

Некрасивый гений	5
Слава	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Страна чужой жизни С юмором о грустном

**Валерий
Николаевич Казаков**

© Валерий Николаевич Казаков, 2017

ISBN 978-5-4485-5331-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Некрасивый гений

Как-то по глупости я отнес свои стихи в ленинградскую газету «Смена». Честно сказать, я ни на что особо не рассчитывал. Но неожиданно мне пришло приглашение посетить «Литературную пятницу» – некий творческий клуб при газете, где мои стихи смогут обсудить начинающие поэты.

Была поздняя осень, на улице Мира было сыро и холодно. С Финского залива дул пронзительный ветер. Настроение у меня было паршивое, но вместе с тем какое-то слегка приподнятое волнением будущей встречи. А вдруг это важный шаг в моей тревожной творческой жизни. Переломный момент. Важная веха.

Серое здание редакции я запомнил плохо. Помню только, что никаких вахтеров и охранников тогда ещё не было.

Где-то на первом этаже меня встретила старенькая сгорбленная гардеробщица и, молча, приняла из моих рук мокрый плащ. Потом как бы между делом спросила:

– Пишите?

– Пишу, – ответил я и стал подниматься по лестнице на второй этаж. Там свернул по коридору налево. Коридор был залит тусклым желтоватым светом. Стены тоже были какие-то желтоватые и тусклые. Справа и слева проплывали высокие светло-серые двери.

Шел 1976 год. Я шагал по коридору редакции молодеж-

ной газеты «Смена». Мне нужно было найти кабинет под номером двенадцать.

Найдя нужную мне дверь, я неуверенно взялся за металлическую ручку и потянул её на себя. Дверь со скрипом отошла в сторону. В плохо освещенном кабинете я увидел продолговатый стол, который плотно окружали будущие поэты. В центре стола восседал шупленький немолодой и некрасивый человек, у которого косил один глаз.

Я поздоровался, поэты дружно ответили мне и как по команде отвернулись. Человек за столом стал что-то говорить. Он говорил очень тихо. При разговоре его левый глаз косил ещё больше. Это было заметно даже под толстыми стеклами очков.

Люди за столом обсуждали чью-то рукопись.

– Стихи крепкие, – глуховатым голосом говорил руководитель семинара, – но образность языка явно хромает. И запоминающихся метафор маловато... Их почти нет. Нет ярких сравнений... Может быть, послушаем кого-нибудь ещё. Как вы считаете?

– Послушаем, – хором отозвались начинающие поэты.

После этого один из присутствующих, с характерным звуком отодвигая стул, вставал, представлялся и начинал читать свои стихи. Я заметил, что все молодые авторы читают свои произведения очень убедительно. Мне показалось даже, что порой это чтение говорит о поэте больше чем его стихи. Какую-нибудь ерунду нервный и нескладный графоман может

прочесть так, что мурашки пойдут по коже. Волосы на затылке начнут шевелиться. До того он становится артистичен в этот момент.

Например, однажды я услышал вот такое стихотворение. Его читал лысый дядька, которому было далеко за сорок и назвать его молодым поэтом язык не поворачивался:

*Я отражаюсь в твоих глазах,
ты – в моих, если очень близко.
Свечи светятся в образах,
словно в заводи серебристой.*

*Липы тонут среди болот,
реки тучи уносят к морю.
Только в сердце – наоборот —
болью скажется то, что скрою.*

*Только мысли, которым нет
места малого на странице,
отражают полночный свет
у реальности на границе.*

*Отражения как мираж,
без оков повседневной скуки.
Проплывающий Эрмитаж
лиц, событий, душевной муки...*

Отражения наготы

тайн, сроднившихся как семья.

Тайна главная – это ты.

Отражение – это я.

Как только он прекратил чтение, на молодого поэта, как по команде, набросилась вся пишущая ватага. Среди них выделялся один очень вертлявый тип, которому не нравилось абсолютно всё. При разговоре у него невпопад пошевеливались руки и плечи, голова и шея, даже ноги начинали выделывать какие-то кренделя. Этот человек, скорее всего, не смог бы разглядеть таланта даже у Блока, которого я в то время боготворил.

– Это не стихи, – тут же начал громко рассуждать витиеватый критик. – В ваших стихах нет ясной темы. Сплошные ассоциации и условности... Что хотел сказать этими стихами автор, совершенно не ясно. Липы, свечи, отражения – всё смешалось. Последовательного ряда событий не получилось. Его не видно. И...

– Ну, допустим всё не так плохо, как вы говорите, – попытался остудить его пыл руководитель литературного семинара. – Мне, например, несколько четверостиший представляются весьма убедительными. А особенно последнее... В нём что-то есть. «Тайна главная – это ты. Отражение – это я». По-моему, хорошо. Передайте мне это стихотворение, пожалуйста.

Польщенный таким вниманием, начинающий поэт стихо-

творение передавал. При этом у него было лицо победителя. Руководитель семинара брал лист со стихами и аккуратно укладывал в папку для бумаг. Потом поднимал карандаш и спрашивал:

– Как ваша фамилия?

– Чиграков Федор Алексеевич, – отвечал начинающий поэт.

– Где трудитесь?

– На заводе имени Жданова.

Потом читал стихи другой начинающий поэт, которому на вид было лет около пятидесяти. Следом за ним ещё один упитанный и русоволосый тип, у которого голос дрожал. В его стихах были такие слова: «Художник словно глассер над зыбкой гладью вод». Стихи были посвящены яркому представителю французского импрессионизма и заканчивались образной строкой о том, как «бесилась и лессировала кисть Дега».

Когда упитанный поэт закончил читать свои стихи, откуда-то сбоку поднялась такая же упитанная темноволосая дама и стала говорить о стихах блондина, как о новом явлении в русской литературе. Она говорила долго и убедительно, пока руководитель семинара не уличил её в сговоре с автором. Он сказал:

– Вы, кажется, вместе пришли, молодые люди?

Молодые люди не стали отрицать данного факта, но сказали, что не видят в этом ничего странного. Тогда руководи-

тель семинара снова спросил:

– А ваши стихи не печатались раньше где-нибудь ещё? Те, которые про художника.

– Нет, – уверенно ответил автор.

– Значит, вы думаете, что мы других газет не читаем? Только «Смену». Плохо вы нас знаете, молодой человек, – укорил начинающего поэта член редакционной коллегии. – Буквально месяц назад я что-то подобное уже читал в одной из центральных газет. Во всяком случае, это стихотворение про художника я запомнил хорошо...

– Ну, может быть... Но там другая подборка была. С другими стихами.

– Вот видите... Обманывать нехорошо...

Потом свои стихи читала какая-то девушка в шелках и шляпе. Её стихи были плохими и читала она их ужасно, зато жестикулировала при этом, как настоящая актриса. Каждое движение её свободной руки было таким многозначительным, таким исполненным блеска, что завораживало. Тем более что рука эта летала у меня перед носом. Это была немая пьеса. Балет. Одухотворенная пластика.

За ней кто-то ещё читал. В общем, всё было неплохо и нехорошо. Как-то средне. Некоторые строки цепляли меня за живое, а некоторые пропадали в нагромождении рифм и при этом оставляли меня совершенно равнодушным...

Через какое-то время взоры присутствующих обратились ко мне. Я был в этой компании новым человеком. Чем-то

загадочным и незнакомым.

– Может быть, вы нам что-нибудь прочитаете? – предложил мне лысеющий руководитель семинара.

Сердце мое учащенно забилося. Вот он, мой звездный час, час обретения славы. Завтра мои стихи напечатают в популярной молодежной газете, послезавтра прочитают по радио. А потом можно будет задуматься о первой публикации в толстом журнале «Нева», о первой книге в московском издательстве. О приеме в Союз Писателей. Чем черт не шутит.

Я медленно поднялся со стула. Представился. Осмотрелся. Увидел много любопытных глаз, на меня устремленных и... И тут неожиданно осознал, что забыл всё, что до этого момента прекрасно помнил. В моей голове вдруг сделалось совершенно пусто. Дружная компания поэтов смотрела на меня удивленными глазами. Глазами полными ожиданий и надежд. А я стоял и, молча, краснел.

Черт возьми! Только этого мне не хватало!

Не знаю, сколько это продолжалось. Может быть, минуту, может, несколько секунд, может вечность...

И тут я вспомнил, что прихватил с собой несколько тетрадных листов со стихами на всякий случай. Судорожно сунул руку в карман пиджака и вытащил свои помятые листы. Да вот же они. Вот. Сейчас я прочитаю им что-нибудь неожиданное. Сейчас. Я пробежал глазами свои корявые строки на одном листе, потом на другом. Всё было не то и не к месту. Ну что же это такое, на самом деле...

И вот, наконец, я нашел то, что нужно.

– Вечер в России, – громко отчеканил я.

– Ну—ну! – хмыкнул кто-то у меня за спиной.

Я стал читать. А когда я читаю свои стихи – я плыву по волнам поэтического слова, поднимаясь всё выше и выше. И для меня уже не имеет значение смысл стихотворения. Не имеют значения глаза людей, скрип стульев, вдохи и выдохи. Ничего не имеет значения. До такой степени меня захватывает музыка слова, его магическое звучание.

*Вечер, – громко начал я, —
пюпитры столбов вдоль дороги,
ветер играет навязчивый блюз,
а на бугре березняк длинноногий —
листья и снега нежданный союз.*

*Как это всё повторяется странно,
словно один нескончаемый сон,
где всё расплывчато, где всё туманно.
Скрипка звучит, ей – труба в унисон.*

*Кто там не спит, утонувший в тумане?
Чей там горит одинокий фонарь?
Темным пятном в голубом океане
птица вычерчивает диагональ.*

Крикнула что-то – мурашки по коже.

Снег растворяется в сумерках дня.

Как это всё на Россию похоже,

как это всё раздражает меня.

После моего чтения была длинная пауза... Молчал даже доморощенный критик с нахальными глазами. Но я уже чувствовал, что в этом молчании что-то сгущается, что-то таится. Мои стихи были очень искренними, очень музыкальными, но они явно не подходили для газеты, которая принадлежит центральному органу ВЛКСМ. И для чего только я выбрал именно это стихотворение? Сам не знаю. Там дальше, в моей рукописи, были вполне приличные стихи о природе. Да и те, которые я вчера ещё знал наизусть, тоже не имели идейной подоплеки.

– Ну, знаете! Вы удивили нас, – сказал лысый дядька, который читал стихи до меня. – Так написать. Знаете... Это надо же... Так написать...

– Чем же вам Россия не нравится? – перебила его чернявая длинноносая поэтесса, которая сидела у окна и только сейчас оторвалась от созерцания своего отражения в темной раме. – Родина раздражает его. Видите ли... Да это же диссидентство в чистом виде! Вы хоть понимаете, что вы тут прочитали? На что замахнулись! Что за пасквиль такой сочинили.

– Это просто... просто стихи, – промямлил я.

– Учтите, молодой человек. Просто стихи, это когда вы их читаете в семейном кругу своим друзьям, а когда в газету

предлагаете. Это уже не просто стихи, а обращение к народу. Вы что, с такими стихами хотите к народу обратиться? Рассказать нам о том, как вас Россия раздражает? Тогда уезжайте к себе в Израиль.

– Ну, вы тоже тут, знаете ли, – остановил поэтессу руководитель семинара. – Причем здесь Израиль, не понимаю? Надо говорить по существу. По существу говорите. Если у человека темные кудри, это ещё ни о чем не говорит.

– А что тут говорить. Гнать его надо отсюда в три шеи. Я тут от станка, от завода второй год хожу. У меня все стихи на производственную тему. И меня не печатают тут, – закричал молодой человек квадратного вида. – А этот хлыщ только пришел – уже Россию клеймит. Ярлыки разные навешивает на неё. Да с такими надо по-мужски разбираться! Вот и всё! По-мужски, по-нашему, – закончил он, закатывая рукава клетчатой рубахи.

– Ну, вы тоже хороши... По-мужски, – приструнил заводского поэта сухощавый руководитель. – Может быть, у него есть более удачные произведения. Почитайте ещё что-нибудь, молодой человек. Почитайте... Человек растерялся, а вы на него набросились. Нехорошо. Нехорошо получилось.

– А я предлагаю не давать ему слова, – продолжил кричать представитель заводской молодежи. – «Смена» – это моя газета... А этот пусть идет со своими стихами к чертовой бабушке. Меня не печатают тут, а его просят почитать ещё. Вот ведь...

– Пусть ещё прочитает.

– Пусть идет. Ему тут не место.

– Ну что вы, на самом деле. Человек в первый раз пришел.

Я в это время лихорадочно икал в своей рукописи какое-нибудь более достойное стихотворение. Были же у меня стихи совершенно нейтральные, про весну, про то, как желтой свечой возносится над Петропавловской крепостью золотой шпиль.

– Пусть почитает.

– Пусть идет. Нас не печатают, а он тут лезет, – продолжали галдеть молодые поэты.

Ну вот, кажется, нашел. Называется «Над холмами». Хотя я уже толком не помню, о чем оно, но начало, кажется, хорошее.

Я делаю глубокий вздох и начинаю читать. Я плыву по волнам стиха. Ритм меня завораживает, уносит куда-то далеко, далеко. И снова мне уже не важен смысл стихотворения. Я наслаждаюсь его музыкой и ритмом, его звучанием в этом пустом полумрачном зале, в этом алькове будущей славы.

*Над холмами, возникающими из пустоты,
здесь всегда возвышаются елей кресты.*

И повсюду кристальная снежная пыль.

Здесь сугробы годов утрамбованы в быль.

Здесь мольбы затихают под толщею льда,

*и словесная льётся с экранов вода.
Уплывают кораблики под мосты
и на мачтах покачиваются кресты.*

*Птицы вороны здесь на закате парят,
от деревьев прочерчивая диагональ,
словно речку подпитывает мистраль
и не мерзнет она много лет подряд.*

*Заплутав в холмах, как мужик хмельной,
ищет речка к заводи путь прямой.
Но не встретишь в России прямых путей,
снег в России обманчив, как мавзолей,*

*где хранится тот, чей священный прах
нам оставил родину всю в крестах...
Ты не умер ещё, но уже воскрес
и в подарок тебе – на пригорке крест.*

Я закончил чтение. И в ту же секунду осознал, что совершил ещё одну ошибку. Эта ошибка может стать роковой. Сейчас меня уже не будут ругать, меня просто убьют. Я что-то снова напутал. В том стихотворении, которое я хотел прочесть, над холмами поднимется солнце. Черт возьми! Черт возьми! Что сейчас будет?!

– Ну всё! Мое терпение лопнуло, – закричал заводской поэт, поднимаясь со стула. – Держите меня, а то я ему в нос дам. Меня не печатают. Рабочий класс унижают, а эта тварь советскую власть позорит. На Ленина бочку катит. Держите меня!

– И зачем он сюда приперся, не понятно?!

– Кто его пустил?

– Гнать его!

– В шею гнать!

– Дайте я ему в нос дам. Потом выгоним. Дайте мне...

– Да уймьтесь вы! А вы, молодой человек, шли бы на самом деле от греха подальше, – посоветовал мне руководитель семинара. Он говорил мне это с серьёзным видом и каким-то непонятным холодным лицом. Его взгляд был на-

правлен не на меня, а мимо.

– Шли бы вы на самом деле, – повторила слова руководителя длинноносая поэтесса.

– А, может, я ещё прочитаю, – промямлил я. – У меня есть...

– Ну всё! Конец ему, – заорал откуда-то с боку заводской поэт.

– Надо милицию вызвать, – заверещала длинноносая. – Таких надо сразу на Соловки. Пока они революцию не устроили. Пожар не раздули.

Мне ничего не оставалось, как поспешно ретироваться.

Я быстро направился к двери и в это время у себя за спиной услышал, как со своего стула поднимается кто-то ещё. Ну, знаете этот звук, когда стул отодвигают.

Я испуганно обернулся, предполагая, что это заводской громила хочет меня догнать и надавать по загривку. Но увидел совсем другое.

Следом за мной шла белокурая некрасивая девушка с голубыми глазами. Она была небольшого роста, курносая, одетая во что-то серое и невзрачное. Её стихов я не слышал. Я вообще не обратил на неё внимания. Мне даже показалось, что до этой минуты в просторном кабинете её не было вовсе.

Я быстро вышел в коридор редакции. Оглянулся. Девушка в серой кофте шла за мной. Немного задержавшись возле гардеробной, я поспешил на улицу. На улице снова оглянулся. Девушка шла за мной. Я свернул налево, девушка свер-

нула тоже. Я решил, что она тайный агент КГБ и мне от неё просто так не улизнуть. Под серым плащом у неё натренированное тело. В сумочке – пистолет Макарова. В моем положении надо действовать как-то иначе.

Ещё через несколько метров я остановился. Будь, что будет.

Она подошла и взволнованным голосом, не глядя мне в глаза, проговорила:

– А мне ваши стихи очень понравились.

– Чем? – хмуро ответил я, предполагая, что она таким образом хочет втереться ко мне в доверие.

– Они правдивые.

Потом несколько минут мы шли молча. Я не знал, что ей ответить, она не знала, как продолжить разговор. Наконец, она предложила:

– А хотите я вам свои почитаю?

– Читайте, – согласился я, рассчитывая, что стихи у неё плохие. Для неё это повод наладить разговор. Завязать знакомство. Вот и всё. Но она почему-то долго молчала. То ли из-за того, что ей мешал ветер, то ли просто подбирала стихотворение, которое прозвучит в осенней темноте более уместно. Наконец, она заговорила:

Картина мира выглядит непросто.

Она порою скроена убого.

*Но на картине девочка – подросток,
чей взгляд непритязателен и робок.*

*Серов иль Репин, нам какое дело,
кто подарил ей пагубную славу.
Она глядит светло и неумело
на древнюю печальную державу,*

*где паруса надежд всегда надуты
очередным нелепым искушеньем,
где, лязгая, смыкаются редуты
перед большим бессмысленным сраженьем.*

*Она не остановит этой смуты,
она привыкла видеть мир иначе.
Но знаю я, что каждую минуту
она осознает, что это значит.*

*Не потому, что сердце неумело колотится под плати-
цем убогим,*

*а потому что в юности несмелой
ничем не провинилась перед Богом.*

Её не знали Павел и Иаков.

Ей не читал никто святых писаний.

*Но отчего-то ей хотелось плакать
у царских врат в годину испытаний.*

Надо честно признаться, её стихи меня удивили. И одно-

временно обескуражил голос. Этот голос был глухим и монотонным, как ветер. В нем совершенно не чувствовалось ни акцентов, ни четкого ритма, ни продолжительных пауз в нужных местах. В нем не ощущалось даже потребности произвести нужное впечатление. Она не пыталась преподнести свои стихи как-то по-особенному. Она их бубнила. Иначе не скажешь. И это были её стихи. Никогда раньше я таких не читал и слышал.

Девушка продекламировала мне одно стихотворение, за ним другое, третье. Её голос был едва различим в ветреной ночи, но я почему-то понимал каждое её слово. Мне даже ветер не мешал...

И ещё она была очень не похожа на свои стихи. Просто поразительно не похожа. Я ожидал услышать от неё нечто посредственное, нечто привычное, а тут была явная переключка с любимым мной Блоком. Было что-то таинственное и завораживающее. Что-то манящее и мистическое.

Потом она читала ещё, и я всё отчетливее понимал, что встретил настоящего поэта. Это было совершенно не похоже на то, что мне приходилось читать в толстых журналах и газетах той поры. Она не стремилась никому подражать, ни под чей вкус подстраиваться. Она в каждом стихотворении была сама собой, сама по себе.

По улице Мира какими-то мрачными дворами мы вышли на Петроградский проспект к Большой Невке. Мне с детства нравилось бродить по берегу реки, вдоль водного простран-

ства.

Стихи закончились, и я решился спросить у неё.

– Как вас звать?

– Наталья, – скромно ответила она.

– А фамилия?

– Ленская.

– У вас прекрасные стихи. Они особенные. Таких я давно не слышал.

– Я знаю. Только никто мои стихи не воспринимает всерьез. Никто не печатает. Особенно о любви. Видимо, моя внешность с такими стихами не гармонирует.

– Почему вы так говорите?

– Я некрасивая, – как-то очень буднично ответила она.

Я удивленно посмотрел на неё с боку и замолчал. Для чего она мне это сказала? Для меня её внешность большого значения не имеет. Это вовсе не важно. При тусклом свете уличных фонарей Наталья выглядела старше своих лет. У неё были светлые брови, светлые ресницы и тонкие губы. Под большим носом – густая тень. Ну и что? Какое отношение это имеет к поэзии?

Я прошел ещё несколько метров и неожиданно понял, что ошибаюсь. Внешность для поэта имеет значение. Потому что стихи Блока или Есенина воспринимались бы по-другому, если бы их написали невыразительные личности. Люди с привычной внешностью, серые, незаметные, некрасивые. Есть какая-то связь между красивыми стихами и притяга-

тельной, запоминающейся внешностью автора. Но мне не хотелось признаваться в этом Наталье. Я прошел ещё несколько метров и вдруг сказал:

– А для меня внешний вид не играет большой роли. Для меня важнее талант.

– А я не согласна, – пробубнила Наталья. – Когда начинают рассказывать про Ахматову, почему-то всегда вспоминают, какой она была в молодости. Когда её Модильяни рисовал. Как она была тонка и изящна. Какой у неё был профиль. Какой нос. Если это не имеет значения, почему тогда все об этом вспоминают?

– Для меня это не важно, – снова солгал я.

– А для меня важно, – проговорила Наталья.

Ну как ей доказать, что она заблуждается? Вот возьму сейчас и поцелую её. Не хочется, но поцелую, потому что так надо. Только нужно, чтобы это получилось как бы случайно. Этак легко и непринужденно, как дуновение ветра. Если она работает в КГБ – она этого не поймет. А если поэт – оценит.

– Наталья?

– Да.

Она повернула ко мне лицо. Я ловко наклонился и чмокнул её в холодную щеку.

– Зачем? – спросила она.

– Просто так. Мне нравятся ваши стихи, – сказал я первое, что пришло мне в голову.

– Нет, – для чего-то пробубнила она. – Не надо так.

– Почему?

– Мы едва знакомы.

– Но вы для чего-то пошли за мной?

– Мне просто захотелось сказать вам пару ободряющих слов. Захотелось правду сказать. Вас несправедливо обидели... Вы, наверное, расстроились. А я уже привыкла. Я два года туда хожу. Меня всё ругают, ругают. Я к этому привыкла уже. А вы...

– Что?

– С такими чертами лица, – продолжила она. – Нет. Больше так не делайте. Мы с вами разные люди. У вас такие волосы. Вьются. И глаза, как у Левитана... А я. Я всё понимаю про себя. Но стихи писать не брошу. Никто меня не заставит. И о любви буду писать. Обо всем. Для меня запретных тем нет. Только жалеть меня не нужно.

И она посмотрела на меня так, как смотрит мать на ребенка.

Больше я с ней не встречался.

Через десять лет она стала известным поэтом, членом редколлегии популярного московского журнала, лауреатом разного рода премий и наград. Кажется, написала какой-то известный сценарий для фильма о Пушкине.

Не так давно я послал ей большое письмо с воспоминаниями и стихами. Она не ответила. Значит, всё у неё хорошо.

Слава

Художник Владимир Косогоров с давних пор жил на улице Грибоедова, рядом с большим нарядным гастрономом, в котором с его нынешним заработком можно было приобрести только дешёвую колбасу да чёрный хлеб. Окна его комнаты выходили в небольшой сквер, чем-то напоминающий хорошо утоптанную клумбу с одиноко торчащим кленом в центре её и покосившейся железной оградой по бокам. В этом сквере художник часто видел веселых детей в ярких штанишках и кофточках, медлительных бабушек в тёмных пальто и вечно пьяного слесаря Прохора, от которого за версту несло одеколоном «цитрусовый».

Глубоко в душе художника жила тайная надежда, что в городском Отделе Культуры вскоре вспомнят про него и сделают заказ на большую и дорогую картину. Художник много лет мечтал нарисовать что-нибудь стоящее. Что-нибудь возвышенное. А пока он вынужден был малевать бесчисленных голых баб и продавать их в одном вонючем закутке на местном базаре, где всегда обитала отборная шушера.

Обнаженные женщины были его давней страстью, с того самого времени, когда он почувствовал себя настоящим мужчиной. Эта страсть вошла в него вместе с порнографическими фото из иностранных журналов, рассказами бывалых ловеласов, вместе с давним увлечением стихами и мод-

ной западной музыкой.

Признаться честно, художник терпеть не мог старых дев и разного рода глуповатых скромниц, которые научились держать свою страсть взаперти. Он привык жить открыто и бесцельно. Его всегда окружали какие-то нетрезвые, но веселые женщины: бывшие актрисы, начинающие писательницы и преуспевающие проститутки. Он обожал женскую распущенность, заводную громкую музыку и вольный ветер бродяжничества. Неожиданно для себя он полюбил эту барскую вольную нищету, при которой откровенное тунеядство воспринимается как некий протест против серого нагромождения обыкновенной мещанской жизни.

В далекой юности эта самая жизнь была к нему благоклонна. Он с отличием окончил институт имени Мухиной и порой чувствовал себя в кругу бомжеватых друзей настоящим академиком живописи. В силу этого иногда в пьяном виде Владимир представлял себя художником значительным, если не сказать, великим. А так как все по-настоящему великие люди становятся известными только после смерти – нашего художника, как водится, не понимали.

И вот пришли иные времена. Началась перестройка. И сразу же перед Владимиром Косоговым открылись немислимые до селе перспективы. Его вдруг оценили. Его увидели. Им стали интересоваться. Дошло до того, что Союз Художников решил организовать персональную выставку его работ. Это был, по их мнению, прогрессивный и демократичный шаг. Шаг навстречу новым веяньям.

Владимир с энтузиазмом откликнулся на предложение товарищей по цеху и за месяц до выставки успел нарисовать два десятка вполне приличных картин, воспевающих родную землю, её восходы и закаты, дремотные леса и синие ультрамариновые реки. На новые картины ушло несколько килограммов отменных цинковых белил, большое количество тюбиков кадмия лимонного, кобальта зеленого и охры светлой.

Выставка проводилась в конце сентября. Клены на ули-

це Грибоедова в ту пору стояли ещё на половину зеленые, но солнце было уже не таким ярким, как раньше, а серая кисея облаков ранним утром надолго затеняла горизонт.

Многочисленные картины Владимира Косогорова были доставлены в огромный выставочный зал Союза Художников и аккуратно разместились там по высоким стенам. Но как не пытался Владимир придать своим картинам впечатление чисто художественной ценности, это у него не получилось. Потому что все его пейзажи разместились на одной стене зала, а три другие стены заняли обнаженные женщины на зелёном, голубом и фиолетовом фоне.

Женщины на картинах Владимира Косогорова были, что называется, на любой вкус: тощие и толстые, розовощекие и бледные, высокие и не очень, улыбающиеся и грустные, вальяжно лежащие в постели и идущие зрителю на встречу, сидящие на кушетках, стульях, диванах и утопающие в шелковых простынях. Полуодетые, нагие, слегка прикрытые воздушными сорочками, пеньюарами, туниками. Глядящие с любовью, с вызовом, с мольбой. Охряные, бирюзовые, с оттенками сиены и умбры на округлых боках. Все эти женщины выглядели вызывающе колоритными, были как-то непривычно раскрепощены и в то же время роскошны.

В общем, на признанных авторитетов живописи выставка произвела неприятное впечатление. Один из них так высказал свое отношение к картинам Владимира Косогорова.

– Сплошные голые задницы. Но публике это почему-то

нравится. Даже странно, как быстро одичал народ.

– Да – да, вы правы, подобные картины разрушают нравственность, размывают идеалы настоящего искусства, – встала свою реплику одна престарелая служительница вернисажа, нервно помахивая веером.

– Не во время всё это, не во время, – резюмировал авторитетный ценитель живописи.

Как назло Владимир Косогоров находился поблизости и слышал всё. После этого он, осторожно ступая, отошел в сторону от ценителей живописи. Приглушая внутреннее волнение, прогулялся по переполненному залу и присел на пустующий стул рядом с лучшей своей картиной, на которой обнаженная женщина была изображена в виде юной нимфы выходящей из синеватых зарослей цветущего бересклета. Её золотистые волосы крупными волнами скатывались до плеч, а матовое и гибкое тело казалось поразительно гладким, теплым и манящим. Люди подолгу задерживались возле этой картины. И некоторые из них настолько проникали в её содержание, что порой высказывали своё отношение к ней, похожее на восторг, называя женщину, изображенную на картине то мадонной, то богиней, то воплощением соблазна. Оказавшись под впечатлением их восторженных отзывов, Владимир Косогоров поворачивал голову и так и этак, надеясь увидеть нечто значительное в этой своей картине. Но, сколько не приглядывался к ней, сколько не вертел головой, выискивая нужный ракурс, – вынужден был при-

знать, что это вовсе не мадонна, не богиня, а обыкновенная голая баба – профессиональная натурщица, которую он хорошо знает и с которой не раз выпивал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.